

**Иван
КЛОЧКОВ**

г. Архангельск

«Ты спишь у дерева во сне...»

* * *

*Sonata No. 14 in C-Sharp minor
Ludvig van Beethoven*

Неправильно кружился первый снег,
неправильная музыка звучала,
я был один, не потому, что не к
кому пойти, а потому, что стало
невыносимо сложно говорить
о музыке неправильной, о снеге,
мне заново хотелось воплотить
природу их в отдельном человеке,
тогда я засыпал и в полумгле
нашептывал стихи о самом главном,
и музыка звучала на земле,
и падал снег торжественно и плавно.

* * *

М. К.

Мария на дне океана спит,
над ней проплывает уснувший кит,
наполненный временем он плывёт
из дальних, неведомых, темных вод,

рождая великую тень на дне,
без слёз он плачет в глубоком сне,
и небо плачет над ним навзрыд,
на дне океана Мария спит.

Иван Николаевич КЛОЧКОВ

родился в 2003 году.

Учится

в Архангельском государственном лицее

им. М. В. Ломоносова.

В журнале «Север» публикуется впервые.

* * *

Красные яблоки в рукаве.
Сон во сне. Мотылёк в полыни.
Смутный шорох в сухой траве.
Нет дыхания. Только иней

на ресницах твоих, и мёд
застывает в моей ладони.
Всё закончится. Всё пройдет.
Спи, Мария, никто не тронет

глаз твоих океан. И весь
мир останется только с нами,
я прощаюсь со всем, что есть,
до свидания, до свидания...

* * *

Ты спишь у дерева во сне,
как только дерево проснётся,
ты будешь спать на дне колодца
лицом к стене,

ты не проснёшься в сентябре,
деревья — сонные в печали,
и ты играешь на рояле
толкуту ре

минор, у дерева во сне
деревья сонные, сырые,
я сплю в больших глазах Марии
на самом дне.

* * *

В Гефсиманском саду тишина и морозная ночь,
 предпоследнее слово созрело и хочет наружу.
 Не дыши: раскалённого воздуха не превозмочь,
 заberi моё тело, возьми мою лёгкую душу.
 Этот сад невесом, он поднялся великой стеной,
 мы под ним в темноте не увидим себя, одиноких,
 поцелуй меня в лоб, я прощаюсь навеки с тобой,
 я уже не земной,
 я
 уже
 рассыпаюсь
 на
 строки,
 этой тёмной земли я уже не касаюсь ногой,
 с этим миром земным я не чувствую больше разлуку,
 поцелуй меня в лоб,
 я прощаюсь навеки с тобой,
 я уже не земной,
 отпусти,
 отпусти
 мою руку.

* * *

эта музыка, эта му,
 это дерево, это де,
 я, ненужное никому,
 изречённое в немоте,

 разделённое пополам,
 обращённое в тишину,
 безымянное потому
 что разбросано по частям,

 воплощенное наугад,
 нарисованное по снам,
 разделённое пополам,
 возвращенное в первосад,

 как ненужная никому
 изречённая в немоте
 эта музыка, эта му,
 это дерево, это де.

* * *

Утром холодно и мокро,
 просыпаешься в поту,
 пластилиновая охра
 вязнет медленно во рту,

 веки каменные слиплись,
 будто сшила их игла,
 повторяющийся всхлип
 из-за бетонного угла

 не даёт уснуть. Господня
 воля, чтобы все прошло:
 в это страшное сегодня
 солнце чёрное взошло.

* * *

Почувствуешь, как воздух невесом,
 когда меня не станет, постепенно
 две музыки сыграют в унисон,
 два времени пройдут одновременно,
 а после — только снег и тишина,
 иллюзия трёхмерного пространства,
 я буду не с тобой, а выше на
 две музыки, два времени, два царства,
 и ты, ещё земная, затая
 дыхание, услышишь, как смиренно
 две музыки сливаются, а я
 два времени иду одновременно.

* * *

Совершенно один на пустом берегу
 разделяю себя на две части:
 я пытаюсь сказать, но сказать не могу,
 потому что забыл в одночасье
 все слова и наречия, вот и лежу,
 бормочу о зелёном по-рыбы
 и, подобно невиданному миру,
 растворяюсь в малиновой зыби,
 где ни слов и ни звуков, ни ног, ни людей —
 ничего кроме счастья не надо.
 Я не знаю печаль. Я творю лебедей
 в тишине первозданного сада.